

КУЛЬТУРА

Е.И. ПРОНИН,
Е.Е. ПРОНИНА

Сны разума, или *P.S.* великой литературы

В статье творчество М. Булгакова рассматривается как художественное отображение и осмысление в контексте ценностей великой русской литературы катастрофического сброса и смены культурных парадигм после октябрьских событий 1917 г. Глубокий анализ сущности и причин психологического надлома в анамнезе “советского общества” и “советского человека” позволил Булгакову впервые в истории вскрыть разрушительное действие лжи, подкрепленной террором, как деструктивного, “порабощающего фактора” социального развития.

Ключевые слова: М. Булгаков, творчество Булгакова, “советский человек”, “совок”, “анамнез” советской ментальности, судьба русской интеллигенции, красный террор, “принцип порабощения”.

In this article, Bulgakov's works are regarded as an artistic display and comprehension, in the context of the great Russian literature, of the catastrophic changes that occurred in the country's cultural paradigm after the October events of 1917. The analysis of the nature and causes of the psychological break in anamnesis of the Soviet society and “Soviet man” allowed Bulgakov, for the first time history, to reveal the devastating phenomenon of lies, backed up by terror, as a destructive and enslaving factor of social development.

Keywords: M. Bulgakov, Bulgakov's works, Soviet man, the anamnesis of the Soviet mentality, the fate of the Russian intelligentsia, the Red Terror, slaving principle.

Сон разума рождает чудовищ.

Испанская поговорка

Вряд ли среди писателей советского времени есть фигура, вызывавшая больше восторгов, чем М. Булгаков. Последний роман писателя “Мастер и Маргарита” сразу по выходе в свет стал культовым и породил то, что сегодня назвали бы фанатским движением. Все новые и новые поклонники романа готовы в урочное время – весеннее полнолуние – проделывать путь Ивана Бездомного от Патриарших прудов до Грибоедовского дома. А многострадальные жильцы дома на Садовой, где в конце концов

Пронин Евгений Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры периодической печати факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Пронина Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры практической психологии Московского института открытого образования.

был организован музей романа, уже и не мечтают остановить неиссякающий поток “паломников”.

Из-за этого-то ореола обожания и поклонения довольно сложно рассматривать творчество Булгакова беспристрастно, как трудно смотреть на слишком яркий свет. Но, как известно, свет не только ослепляет, но и освещает, если найти правильную позицию. И прежде всего, становится очевидно, что это почитание – не просто дань моде (ведь со времени издания романа прошло почти полвека), а свидетельство чего-то важного, открытого писателем.

Булгаков начал писательскую деятельность во время Гражданской войны (первый рассказ, по его собственным словам, он написал в 1919 г.). Но хотя еще шла ожесточенная борьба, судьба страны уже была решена и контуры будущей государственной системы и новых человеческих отношений все отчетливее и неотвратимее проступали сквозь революционный хаос и неразбериху.

По мере укрепления новой власти возникали и набирали силу новая *советская* реальность и новый психотип личности – тот, что социалистические идеологи гордо окрестят затем специальным термином “советский человек”, спустя 70 лет брезгливо и унижительно переименованный в “совок”.

Так что творчество и писательская судьба Булгакова складывались в контексте и под влиянием новой, никем не предсказанной исторической реальности, столь не похожей на реальность его детства и юности: степенной жизни профессорской семьи, учебы в Первой киевской гимназии, студенческих лет на медицинском факультете Киевского университета, который Булгаков окончил в 1916 г., получив диплом “лекаря с отличием со всеми правами и преимуществами, законами Российской Империи сей степени присвоенными” (http://ru.wikipedia.org/wiki/М.Булгаков#cite_note-0; <http://www.bulgakov.ru/biography/1911-1920/>).

Этот разительный контраст двух миров, двух противоположных форм жизни во многом определил содержание произведений Булгакова, похожих то на кошмарные сны, переполненные пугающими сюрреалистическими видениями (“Роковые яйца”, “Дьяволиада”, “Собачье сердце”), то на печальные и светлые грезы-воспоминания об утраченном укладе жизни, людях, способных к высоким чувствам и благородным поступкам (“Белая гвардия”, “Дни Турбиных”, “Бег”, “Записки юного врача”). Эти два мира попеременно сменяли друг друга в произведениях Булгакова, пока не пришли в прямое соприкосновение в последнем и наиболее знаменитом его романе “Мастер и Маргарита”. И стало окончательно ясно, что человеческим чувствам и свободному творчеству нет места в новой реальности, которая полностью победила в общественной жизни, воцарилась в ментальности людей и их жизненном укладе, обрела неумолимый, неотменимый и всеобщий характер, оставив герою лишь один путь отступления – подвал, сумасшедший дом, небытие...

Когда роман “Мастер и Маргарита” предстал, наконец, перед широкой аудиторией, прошло почти 30 лет с момента его написания, но несмотря на это, выведенный Булгаковым образ советского обывателя показался читателям абсолютно актуальным, пронзительно достоверным и безусловно узнаваемым. Он сохранял свою неизменность, предсказуемость и неизбежность, несмотря на все пертурбации эпохи вплоть до момента разрушения советской системы, когда и появилось презрительное “совок”. Точно схваченные писателем основные параметры массового психотипа на долгие годы определили современное звучание романа и, подобно клиническому диагнозу, фактически предвосхитили развитие событий: судьбу интеллигенции, советского общества и грядущие морально-психологические, культурные и экономические катастрофы социализма.

Каковы же те черты нового типа, что, подобно параметрам математической функции, определили траекторию движения общества почти на целый век? И как случилось, что эти параметры сформировались так быстро, в такой короткий исторический период (буквально за несколько лет), почти мгновенно, как будто и не было духовных исканий предыдущих столетий, воплотившихся в великой литературе и великой

культуре? Куда исчезли люди, описанные А. Пушкиным, И. Тургеневым, Л. Толстым, А. Чеховым и другими писателями, чьи произведения во всем мире славятся своим “психологизмом” и высокой “духовностью”?

Общественная жизнь, подобно стохастической системе, совершающей фазовый переход, вдруг резко “сбросила” прежние параметры и изменила все свои характеристики. И как по мановению волшебной палочки, огромное число прежде независимых параметров, определявших сложные процессы экономической, культурной и духовной жизни общества, внезапно подчинились одному или нескольким простым условиям¹. Этот процесс, описанный в физике больших саморегулирующихся систем как “принцип порабощения”, выглядит особенно впечатляюще в переходных состояниях социальных систем, особенно, когда наблюдатель находится “внутри” водоворота исторических событий.

Люди в одночасье изменились на глазах писателя. Прошлое осталось за бортом, как будто его и не было, оставив по себе ностальгию и ощущение ирреальности происходящего. Как известно, “лицом к лицу лица не увидать”, еще труднее заметить изменения в себе самом. Сделать это легче со стороны и с безопасного расстояния. Аналог отстраненно-ироничного гетевского Мефистофеля, булгаковский Воланд, находящийся вне времени и пространства, путешествующий сквозь века, обеспечил писателю необходимую дистанцию и беспристрастность для оценки сущности сложившегося общества. Князь тьмы, знакомый со всеми ухищрениями и обманами людей, читающий их скрытые мысли и желания, видящий насквозь любые попытки выдать желаемое за действительное, стал главным разоблачителем существующей реальности, показывающим ее такой, какова она на самом деле. Один из узловых моментов сюжета “Мастера и Маргариты” – представление, устроенное Воландом в театре Варьете, стало по существу “показательным выступлением” самой публики.

“Я открою вам тайну, – сообщает позднее Воланд, – я вовсе не артист, а просто мне хотелось повидать москвичей в массе, а удобнее всего это было сделать в театре” [Булгаков, 2010^a, с. 283]. Примечательно, что в начале представления вместо того, чтобы показывать что-то зрителям, выступающий сам усаживается в позицию зрителя: “Кресло мне, – негромко приказал Воланд, и в ту же секунду, неизвестно как и откуда, на сцене появилось кресло, в которое и сел маг. – Скажи мне, любезный Фагот... как по-твоему, ведь московское народонаселение значительно изменилось?” [Булгаков, 2010^a, с. 164].

Попытка конферансье направить представление в нужное русло, “подсказывая слова” артистам, тут же разбилась, натолкнувшись на абсолютную “неполиткорректность”, нечувствительность к идеологическим нюансам и отсутствие какого бы то ни было страха у заезжих “артистов”: “Физиономия Бенгальского, приютившегося сбоку сцены, начала выражать недоумение. Он чуть-чуть приподнял бровь и, воспользовавшись паузой, заговорил:

– Иностраннный артист выражает свое восхищение Москвой, выросшей в техническом отношении, а также и москвичами, – тут Бенгальский дважды улыбнулся, сперва партеру, а потом галерее.

Воланд, Фагот и кот повернули головы в сторону конферансье.

– Разве я выразил восхищение? – спросил маг у Фагота.

– Никак нет, мессир, вы никакого восхищения не выражали, – ответил тот.

– Так что же говорит этот человек?

– А он попросту соврал! – звучно, на весь театр сообщил клетчатый помощник и, обратясь к Бенгальскому, прибавил: – Поздравляю вас, гражданин, соврамши!” [Булгаков, 2010^a, с. 165].

¹ «Подчинение большого числа параметров состояния малому количеству параметров порядка называется по-английски термином *slaving principle* – буквально “принцип порабощения”. По-русски он был переведен более изящно – как “принцип подчинения”» [Аршинов, Данилов, Тарасенко].

Эта смелость публичного разоблачения лжи была для советских читателей, свыкшихся с душливой атмосферой тотального лицемерия, больше, чем приятное щеко-тание нервов. Это был необходимый поток свежего воздуха. Это было неожиданной, чем самые невероятные чудеса. Однако разоблачения коснулись не только представи-телей “элиты”, крупных чиновников, деятелей искусства. В конце концов разобла-ченным оказалось все общество, начиная с падких на “халяву” гражданок, внезапно обнаруживших себя голыми на улице, заканчивая рядовыми служащими, буфетчика-ми, кассирами и таксистами, потерявшими свою выручку и чаевые из-за оборотистых сограждан, воспользовавшихся моментом. Непрерывное лицемерие, вранье, мелоч-ность, взаимная озлобленность, грубость, хамство в отношениях, стремление урвать, что плохо лежит, любовь к “халяве”, подбострастие и страх – вот те черты, что ха-рактеризовали новое общество “строителей коммунизма”, и те черты, что заставили Мастера уйти в подвал.

Встречались ли такие черты в людях раньше? Конечно, встречались. Но если тогда подобных людей можно было презирать, над ними можно было посмеяться, то теперь нужно было стать таким же, чтобы выжить! Под действием стремления к самосохранению мгновенно сформировался особый психотип и стал самым востребо-ванным, всеобщим, массовым. Спустя полвека тотального лицемерия и страха, в эпоху “развитого социализма” “публика” достигла уже патологической степени психической анестезии² и деперсонализации³, – состояния, которое Вен. Ерофеев в своей поэме “Москва–Петушки” описал с клинической достоверностью: “Я кое-как пригладил во-лосы и вернулся в вагон. Публика посмотрела на меня почти безучастно, круглыми и как будто ничем не занятыми глазами...”

Мне это нравится. Мне нравится, что у народа моей страны глаза такие пустые и выпуклые. Это вселяет в меня чувство законной гордости... Можно себе представить, какие глаза там. Где все продается и покупается: ...глубоко спрятанные, притаившие-ся, хищные и перепуганные глаза... Девальвация, безработица, пауперизм... Смотрят исподлобья, с неутраченной заботой и мукой – вот какие глаза в мире чистогана...

Зато у моего народа – какие глаза! Они постоянно навывкате, но – никакого напря-жения в них. Полное отсутствие всякого смысла – но зато какая мощь! (Какая духов-ная мощь!) Эти глаза не продадут. Ничего не продадут и ничего не купят. Что бы ни случилось с моей страной, во дни сомнений, во дни тягостных раздумий, в годину любых испытаний и бедствий – эти глаза не сморгнут. Им все божья роса...” [Ерофеев, 2000, с. 149–150].

Для людей, по складу своей личности или по масштабам своего таланта не способ-ных к постоянной лжи и лицемерию, единственным выходом было бегство – в подвал, сумасшедший дом, белую горячку, в эмиграцию... Именно такая судьба – судьба бул-гаковского Мастера – постигла впоследствии самых искренних и талантливых людей: В. Высоцкого, Вен. Ерофеева, М. Шемякина, А. Тарковского и многих-многих других, отказывавшихся от карьеры и участия в официальной жизни из отвращения к необхо-димости непрерывно кривить душой, говорить не то, что думаешь, молчать о том, что считаешь важным, изображать энтузиазм и доказывать свою политическую благона-дежность. В 60–70-е гг. прошлого века, когда в стране в условиях “оттепели” начала формироваться контркультура андеграунда, противостоящая официальной идеологии, среди ее лидеров стало модно быть “никем”: истопником, чернорабочим, дворником и проч., вести полунищенское существование – лишь бы быть “незамазанным” коллек-тивной “круговой порукой”, избежать “служения” социальной системе.

² Психическая анестезия (лат. *anaesthesia dolorosa psychica* – болезненная психическая анестезия, син. деперсонализация депрессивная) – утрата эмоциональных реакций на все окружающее с мучительным переживанием полной душевной опустошенности (http://ru.wikipedia.org/wiki/психическая_анестезия).

³ Деперсонализация (лат. *de*, лат. *persona* – личность) – состояние, сопровождающееся изменением или потерей чувства собственного “Я” (диссоциативное расстройство) (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Деперсонализация>).

Но возникает вопрос: что же все-таки заставило большинство людей подчиниться требованиям, противным человеческой природе, отбирающим у них самое важное – свободу мысли и творчества, заставляющим лгать? И здесь Воланд дает неожиданный ответ: ...“квартирный вопрос” [Булгаков, 2010^a, с. 170].

Это предельно простое и обыденное, на первый взгляд, объяснение было с готовностью и радостью подхвачено острословами и сатириками. Появилась расхожая шутка о том, что “москвичей испортил квартирный вопрос”. Однако, думается, не стоит в спешке путать понятия. Речь вовсе не шла о заветной московской прописке, перенаселенности Москвы и нехватке квадратных метров на всех желающих. Население всех крупных городов, и Москвы в том числе, тогда резко сократилось. И хотя сегодняшние неразрешимые проблемы ЖКХ, несомненно, тянутся с тех времен, все же за давностью лет мы уже забыли, что означал “квартирный вопрос” в первые годы советской власти. А было это то же, что раскулачивание и продразверстка вместе взятые, только в городе, а не в деревне... – то есть красный террор, мародерство, политическая демагогия, ненависть и угроза смерти от холода. В 1918–1920 гг. декретом ВЦИК и постановлениями муниципальных органов было принято решение об “уплотнении” – изъятии “излишков жилплощади” в пользу лиц пролетарского происхождения.

В статье “Удержат ли большевики государственную власть?” (сентябрь 1917 г.) В. Ленин наметил план действий для будущих Комиссий по уплотнению: “Наш отряд рабочей милиции состоит, допустим, из 15 человек: 2 матроса, 2 солдата, 2 сознательных рабочих (из которых пусть только 1 является членом нашей партии или сочувствующим ей), затем 1 интеллигент и 8 человек из трудящейся бедноты, непременно не менее 5 женщин, прислуги, чернорабочих и т.п. Отряд является в квартиру богатого, осматривает ее, находит 5 комнат на двоих мужчин и двух женщин. Вы потеснитесь, граждане, в двух комнатах на эту зиму, а две комнаты приготовьте для поселения в них двух семей из подвала”. Обратим внимание на состав Комиссии: у шести из них было оружие, восемь обеспечивали психологический прессинг. В результате силового или морального давления, уплотняемый жилец подписывал нужную бумагу, предварительное составление которой было делом интеллигента [Васильев, Либерман, Фридман, 1933].

Чтобы уплотнить кого-то, достаточно было доказать факт эксплуатации в прошлом или в настоящем времени. “Буржуа, живущие спрятанными капиталами или имеющие собственность”, выселялись из Москвы, у них, согласно служебной инструкции, положено было «отбирать все и выдавать только “походный паек”: пару белья, подушку, одеяло, то есть, что полагается красноармейцу, уезжающему на фронт» [Федоров]. В порядке уплотнения осенью 1918 г. из Москвы было выселено 3197 “буржуазных семей” (около 15 тыс. человек), а в их квартиры было вселено более 20 тыс. рабочих. Люди, ощущая собственное бессилие, возлагали единственные надежды на главу партии и правительства: “Уважаемый Владимир Ильич! Сознаем, что у Вас очень много дел и входит Вам во все мелочи нашей повседневной жизни невозможно. Доводим до Вашего сведения, что сейчас делает московский трудовой элемент: рабочие пытаются занять наши, таких же трудящихся (приказчики, конторщики, служащие торговых предприятий и пр.) – квартиры, а нас выселяют в короткие сроки. Предоставить всем нам, советским служащим, квартиры и комнаты в черте Городского района Москвы, конечно, нельзя, так как последний заключает в себе, главным образом, торговые помещения и конторы. Переехать в другие районы мы не можем. Убедительно просим, глубокоуважаемый товарищ Владимир Ильич, сделать распоряжение о крайнем уплотнении жилищ согласно последнему распоряжению от 26 октября, тем более уплотнение явится и сохранением топлива, – но только никого не выселять из домов. Ведь стон стоит по Москве, многие плачут со своим выселением. Прекратите сумятицу, оставьте жить всех так, как живут, хотя бы до весны, прикажите только уплотниться” (цит. по [Федоров]). Еще пример из частной переписки того времени: “Прихожу домой и сию, греясь в одну точку, ничего не читаю, не играю, в голову лезут черт знает какие мысли. Последние дни – один сплошной кошмар, разнесся слух, что наш дом

реквизируют, то есть мы все на улице... прямо не знаю, что делать, ведь у нас никого нет, к кому можно было бы переселиться, и ты знаешь, сколько в нас всех энергии! А теперь особенно: папа ноет вечно, я ему подвываю, кажется, даже еще больше. Мама совершенно измучена хозяйством и бытием... кажется, было бы величайшее счастье, если бы не выселили, только чувствует сердце, что этого не будет” (цит. по [Федоров]).

Дома передавались в ведение выборных домовых комитетов, которые становились коллективным собственником жилья. В лице домовых комитетов власти стремились создать мощный регулирующий аппарат – домовую коммуны, контролирующую жизнь каждого горожанина, включая распределение жилья, продовольствия, одежды и топлива, создание отрядов самообороны, надзор за жителями и предоставление сведений о дезертирах и уклоняющихся от воинской службы. ”Квартирный вопрос” превратился в инструмент тотального террора, поголовного надзора и перманентного идеологического прессинга. В условиях круглосуточного надзора со стороны соседей, жаждущих заполучить лишние метры, ложь стала повседневной необходимостью, формой выживания и самоподавления.

Когда тотальный террор под страхом немедленной кары заставляет человека лгать, а ложь освящает террор как “правое дело”, то вкупе они порождают ту античеловеческую систему, которая угрожает самому существованию человека и человечества. С течением времени это становилось все более очевидно. В 1937 г., выступая в Карнеги-холле (Нью-Йорк) на II конгрессе писателей, Э. Хемингуэй в знаменитой речи “Писатель и война” сказал: “Есть только одна политическая система, которая не может дать хороших писателей, и система эта — фашизм. Потому что фашизм — это ложь, изрекаемая бандитами” (цит. по [Грибанов]).

Антидотом против лжи, отравляющей разум и разъедающей душу, всегда была правда, и во все времена высоко ценились и всех спасали люди, готовые говорить правду и сражаться за нее несмотря ни на что. Но в условиях массового, *тотального* террора, когда он угрожает каждому, – ложь тоже становится *тотальной*. Она проникает во все поры общества, парализует душу и способность личности к самовосстановлению. Начинается омертвление личности и протрация социальных институтов. Перерождаясь, общество умирает, отравленное продуктами своего распада.

Что такое “квартирный вопрос” и как “локальный” террор порождает тотальный террор, как в пробирке домовой коммуны рождается новый “гомункулус” тоталитарного общества, показал Булгаков в знаменитой повести “Собачье сердце”, написанной в 1925 г. Ее герои профессор Преображенский и его ассистент доктор Борменталь тоже стали культовыми фигурами, как только, благодаря известной экранизации 1990 г. режиссера В. Бортко, герои повести обрели визуальную форму. Высказывания профессора (сыгранного в этом фильме гениальным русским актером Е. Евстигнеевым) мгновенно разошлись на цитаты, при этом оказалось, что они нисколько не потускнели за давностью лет и не утратили своей актуальности: «Что такое эта ваша разруха? Старуха с клюшкой? Ведьма, которая выбила все стекла, потушила все лампы? Да ее вовсе не существует! Что вы подразумеваете под этим словом? Это вот что: если я, вместо того чтобы оперировать, каждый вечер начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха! Если я, ходя в уборную, начну, извините меня за выражение, мочиться мимо унитаза и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной получится разруха. Следовательно, разруха сидит не в клозетах, а в головах! Значит, когда эти баритоны кричат: “Бей разруху!”, я смеюсь. Клянусь вам, мне смешно! Это означает, что каждый из них должен лупить себя по затылку! И вот когда он вылупит из себя мировую революцию, Энгельса и Николая Романова, угнетенных малайцев и тому подобные галлюцинации, а займется чисткой сараев – прямым своим делом, – разруха исчезнет сама собой» [Булгаков, 2010^в, с. 318].

Эти слова не цитировались до 1990-х гг., не потому что их не знали, а потому, что их опасно было повторять. А вот имя другого персонажа – Шарикова – стало нарицательным еще до выхода фильма на экраны. Однако рамки образа значительно сужались, и образ интерпретировался как аллегория хамства, ограниченности, бес-

культуры. Даже в фильме, при всей его дословной текстовой точности, оказалась пропущенной главная характеристика Шарикова, данная ему профессором Преображенским: "... Швондер и есть самый главный дурак. Он не понимает, что Шариков для него еще более грозная опасность, чем для меня. Ну, сейчас он всячески старается натравить его на меня, не соображая, что если кто-нибудь, в свою очередь, натравит Шарикова на самого Швондера, то от него останутся только рожки да ножки! ...Коты – это временно... Еще какой-нибудь месяц, и он перестанет на них кидаться... Сейчас Шариков проявляет уже только остатки собачьего, и поймите, что коты – это лучшее из всего, что он делает. Сообразите, что весь ужас в том, что у него уже не собачье, а именно человеческое сердце. И самое паршивое из всех, которое существует в природе" [Булгаков, 2010^а, с. 375].

Итак, Швондер *натравливает* Шарикова на ненавистного ему профессора. И в этом главное предназначение нового гомункулуса. В действительности подлинным создателем Шарикова, конечно, является не профессор, он лишь подарил благодаря трансплантации новую жизнь Климу Чугункину, трактирному музыканту, случайно убитому в пьяной драке у Преображенской заставы. Настоящим творцом Шарикова является именно Швондер, целенаправленно и последовательно превращавший хулигана в карателя, будущего специалиста по всевозможным "очисткам". И это "превращение" идет быстрым ходом. На следующий же день после разгрома квартиры профессора во время схватки с котом Шариков стараниями Швондера назначается "заведующим подотделом очистки города Москвы от бродячих животных". При этом оказывается, что он испытывает садистское удовольствие от исполнения "своих обязанностей". В ответ на вопрос Филиппа Филипповича, почему от него так отвратительно пахнет, он деловито отвечает: " – Ну, что же, пахнет... известно. По специальности. Вчера котов душили, душили.

– Что же вы делаете с этими... с убитыми котами?

– На польты пойдут, из них белок будут делать на рабочий кредит" [Булгаков, 2010^а, с. 379–380].

Еще через день с помощью председателя домкома Швондера Шариков пишет донос на профессора: "...а также угрожал убить председателя домкома товарища Швондера, из чего видно, что хранит огнестрельное оружие. И произносит контрреволюционные речи, и даже Энгельса приказал своей социал-прислужнице Зинаиде Прокофьевне Буниной спалить в печке, как явный меньшевик..." [Булгаков, 2010^а, с. 383].

И наконец, отказавшись выселяться из квартиры Преображенского, Шариков переходит к методам устрашения, направляя на профессора и его ассистента свой теперь уже *служебный* револьвер. На этом карьера Шарикова как персонажа заканчивается, доведенный до крайности профессор решает положить конец своему эксперименту. Но в реальности карьера шариковых только начиналась. И сбылись все самые мрачные предчувствия профессора Преображенского. Расстрельные команды, тайные полигоны типа Бүтовского, тюрьмы и лагеря не имели недостатка в кадрах, и жертвами их вскоре стали не только буржуазия, интеллигенция, лица духовного звания, но и представители других сословий, а затем и сами организаторы репрессий – швондеры: партийные деятели, работники НКВД, руководители партийного аппарата.

Повторим, что хотя подлинным "духовным отцом" и наставником Шарикова является председатель домовой коммуны Швондер, именно профессор Преображенский "возродил" Клима Чугункина как заготовку для будущего гомункулуса. Думается, что это не случайный поворот сюжета и не небрежность автора. Скорее, ясное осознание недалекости и даже легкомыслия образованных людей, легко поверивших в спасительность и благость революционных идей, в возможность преображения людей типа Чугункина и Швондера. Преображение не состоялось. Сделать из хулигана человека (как ни пытался профессор) оказалось невозможным, особенно при постоянных усилиях Швондера превратить его в цепного пса, преданного "делу революции", соглядастая и карателя в одном лице. Преображенский говорит Борменталю: "...Вот, доктор, что получается, когда исследователь, вместо того, чтобы идти ощу-

пью, и параллельно с природой, форсирует вопрос и приподымает завесу! На, получай Шарикова и ешь его с кашей!.. Я забочился совсем о другом, об евринике, об улучшении человеческой породы!.. Я хотел проделать маленький опыт!.. И вместо этого что ж получилось, Боже ты мой!” [Булгаков, 2010⁸, с. 372–373].

Профессор с горечью признается, что желание “улучшить” человеческую породу было самолюбованием, а игнорирование характера и натуры Чугункина стало фатальной ошибкой. В своей тетради наблюдений Борменталь отмечает странное поведение профессора после того, как Шарик стал превращаться в человека: “Старик, не отрываясь, сидит над климовской болезнью. Не понимаю, в чем дело. Бурчал что-то насчет того, что вот не догадался осмотреть в патологоанатомическом весь труп Чугункина. В чем дело, не понимаю! Не все ли равно, чей гипофиз?” [Булгаков, 2010⁸, с. 341].

Эта наивная самоуверенность и благодушие и стали роковой ошибкой многих высокопородных интеллектуалов, интеллигентов, прежних духовных авторитетов. Их разум на самом деле спал. И этот сон породил чудовищ. При всем своем уме и образованности российская интеллигенция недооценила опасность чугункиных под началом швондеров. Они пытались предложить себя в качестве учителей, свои знания и опыт, свою заботу и веру. Но это только мешало швондерам лепить *своего* гомункулуса прямо под носом наивной интеллигенции. Новый гомункулус оказался просто охранной “собакой”, предназначенной сторожить заключенных всеобщего концентрационного лагеря, в который стараниями швондеров превратилась каждая квартира, дом и вся огромная страна. Шарик не был такой собакой, такой “собакой” мог стать только Клим Чугункин. Профессор первым понял это, когда с горечью сказал своему ассистенту, увидевшему причину всех бед в том, что у Шарикова собачье сердце (то есть сердце дворового пса Шарика): “ – О нет, о нет, – протяжно ответил Филипп Филиппович, – вы, доктор, делаете крупнейшую ошибку, ради Бога, не клевете на пса. <...> Сообщайте, что весь ужас в том, что у него уже не собачье, а именно человеческое сердце. И самое паршивое из всех, которое существует в природе” [Булгаков, 2010⁸, с. 375].

Вероятно, по цензурным соображениям Булгаков облакал свои прозрения в форму модного тогда жанра футуристической фантазии. Но в отличие от современных ему писателей, с воодушевлением и восторгом изображавших в своих фантастических произведениях торжество науки, нового общественного строя и красоту нового человека (ср., например, “Аэлиту” А. Толстого, “Месс-Менд” М. Шагинян), Булгаков видел впереди только сюрреалистически страшные картины. Но именно булгаковские фантазмагии и оказались пророческими.

Еще одним кошмарным вещим сном была его повесть “Роковые яйца” (1924 г.), которая по остроте интриги, буйству фантазии и силе эмоционального воздействия могла бы дать фору многим современным блокбастерам вроде “Парка Юрского периода”, “Затерянного мира” и проч., несмотря на все чудеса цифровой анимации. Думается, эта броская внешняя форма приключенческого научно-фантастического триллера и отвлекла внимание цензоров, пропустивших повесть в печать. Однако за поражающими воображение образами гигантских ящеров, змей и пауков, душераздирающими кровавыми сценами скрывалась жуткая по своей достоверности, ничуть не преувеличенная реальность. Как и в “Собачьем сердце”, некий гениальный ученый, чудом сохранившийся от “старого режима”, не замечая социальных перемен, открывает чудесный луч, способный стимулировать рост и размножение живых организмов. Партийно-хозяйственный деятель, с “говорящей” фамилией Рокк, не дождавшись результатов научных испытаний, “нажав” на профессора, фактически реквизирует у ученого установки, производящие замечательный луч, чтобы использовать их для “восстановления народного хозяйства”. “Я вам говорю, что нам необходимо возобновить у себя куроводство, потому что за границей пишут про нас всякие гадости”, – “исчерпывающе” объясняет Рокк свое намерение [Булгаков, 2010⁶, с. 624–625].

Персиков, хотя и казался абсолютно независимой личностью и был крупнейшим ученым в своей области, в этой ситуации принужден вести себя как последний служащий, не имеющий права обсуждать распоряжения начальства. И он сдается: “Лишь

только Персиков почитал бумагу, он поднялся с табурета и бросился к телефону. Через несколько секунд он уже говорил торопливо и в крайней степени раздражения:

– Простите... Я не могу понять... Как же так? Я... без моего согласия, совета... Да ведь он черт знает что наделает!! <...> Я, наконец, категорически протестую. Я не даю своей санкции на опыты с яйцами... Пока я сам не попробую их...

Что-то квакало и постукивало в трубке, и даже издали было понятно, что голос в трубке, снисходительный, говорит с малым ребенком. Кончилось тем, что багровый Персиков с громом повесил трубку и мимо нее в стену сказал:

– Я умываю руки” [Булгаков, 2010⁶, с. 622–623].

В этом маленьком эпизоде очень хорошо видно, на каком положении в действительности находилась интеллигенция и в том числе – научная элита. Уникальных ученых, готовых бескорыстно, не щадя сил, работать на благо науки и отечества, использовали как “одноразовый” инструмент, который без сожаления можно выбросить, как только он не будет нужен, не уважая ни их работы, ни их человеческого достоинства, не понимая ценности ими сделанного, не чувствуя ни благодарности, ни ответственности, не связывая себя никакими обязательствами, тайно ненавидя, обманывая на каждом шагу, надеясь только при первой возможности избавиться от них как от неблагонадежного элемента.

Вроде бы безвинная, трагическая гибель профессора, который был растерзан озверевшей толпой, стала на самом деле ужасной расплатой за его недалекость, нежелание понимать происходящее, за согласие терпеть новую власть, за сотрудничество с ней, пусть и вынужденное, за то, что из страха “умыл руки” и передал опасное изобретение заведомым невеждам и негодяям. Профессор Персиков – это вещий сон о судьбе, которая ожидала российскую интеллигенцию в недалеком будущем. Сколько многообещающих ученых и даже ученых с мировой славой были вскоре осуждены как враги народа, расстреляны, замучены или унижены, отлучены от работы и обречены на нищенство. Пострадали не только ученые-гуманитарии, которых можно было бы воспринимать как идейных противников, вроде литературоведа А. Беленкова, историка С. Платонова, философа и культуролога М. Бахтина, но и блестящие естествоиспытатели, составлявшие славу и гордость отечественной и мировой науки. Удивительно, но Булгаков как будто видел, что наиболее сильный удар будет нанесен именно по наукам, связанным с сельским хозяйством: растениеводству, генетике, биохимии! Генетик Н. Вавилов, химики В. Ипатьев и А. Чичибабин, почвоведы и агрохимики Б. Полынов, Я. Афанасьев, В. Балъц, В. Боровский, А. Большаков, А. Троицкий, Г. Григорьев, А. Лебедев, Н. Прохоров, Н. Тулайков и многие, многие другие стали жертвами идеологической борьбы и социалистического управления наукой [Трагические... 1995]. Одни были расстреляны, другие сосланы, третьи пропали без вести. Полностью разгромленными оказались наиболее перспективные отрасли биологической науки, страна оказалась фактически обреченной на примитивные формы хозяйствования и полуголодное существование.

Как власть могла оказаться такой близорукой? Почему партийное руководство так доверяло людям типа Рокка и Шарикова? Вот портрет одного из них, разительно напоминающий Шарикова своей воинственной невежественностью, самоуверенностью и наглостью. Только пишет о нем не профессор Преображенский, а заслуженный академик ВАСХНИЛ, ученый с мировым именем Д. Прянишников:

“Народному комиссару земледелия т. Андрееву А.А.

Глубокоуважаемый Андрей Андреевич!

Позвольте мне <...> добавить несколько слов о деятельности Т.Д. Лысенко как президента Ленинской Академии. <...>

При невероятном отсутствии образования в области основного естествознания* сам он совершенно не сознает этого и вместо того, чтобы учиться, он наклонен только поучать других, воображая, что президент должен сам руководить работами по всем наукам. Всякая инициатива подавлена, и даже из вице-президентов ни один имеющий самостоятельное мнение по своей специальности не мог с ним ужиться.

Поэтому я считаю всякий разговор с ним напрасной тратой сил. Единственный выход – смена руководства путем введения выборного начала. <...>

С искренним уважением академик Д. Прянишников.

Узкое–Москва, 5.1.1945.

* Это объясняется тем, что Т.Д. Лысенко не прошел нормального курса высшей школы, он сдавал экзамены в качестве заочника в конце 20-х годов, когда допускались всякие поблажки (см. его биографию в с.-х. энциклопедии). Поэтому ему следовало бы прежде всего пройти физику, химию и ботанику, хотя бы в объеме, отвечающем первому курсу СХА. (Примеч. Д.Н. Прянишникова)” (цит. по [Соловьев, 1995, с. 199]).

Ответа на это отчаянное письмо академик не дождался. В апреле 1948 г. он скончался, а в августе того же года состоялась знаменитая сессия ВАСХНИЛ, организованная Лысенко и его сторонниками, где Лысенко сделал разгромный доклад, за которым последовало полное свертывание работ по генетике в СССР и окончательный триумф лысенковщины в советской науке. Не удалось Прянишникову отстоять и своих любимых учеников С. Геркена и Н. Вавилова. Ни одно из его писем и требований не было принято во внимание ни в 1931 г. (письмо председателю ЦИК М. Калинину в защиту Геркена), ни в 1936 г. (письмо в Президиум ВАСХНИЛ в защиту Вавилова), травля продолжалась и закончилась арестами и гибелью ученых. Как тут не вспомнить примечательный разговор профессора Преображенского с его учеником и другом доктором Борменталем, предлагающим провести Шарикову повторную операцию:

“– И не соблазняйте, даже и не говорите, – профессор заходил по комнате, закачивая дымные волны, – и слушать не буду. Понимаете, что получится, если нас накроют. <...>

– Филипп Филиппович, вы – величина мирового значения, и из-за какого-то, извините за выражение, сукиного сына... Да разве они могут вас тронуть, помилуйте!

– Тем более не пойду на это, – задумчиво возразил Филипп Филиппович, останавливаясь и озираясь на стеклянный шкаф.

– Да почему?

– Потому что вы-то ведь не величина мирового значения.

– Где уж...

– Ну вот-с. А бросить коллегу в случае катастрофы, самому же выскочить на мировом значении, простите...” [Булгаков, 2010⁸, с. 371–372].

Профессор Преображенский, то есть Булгаков, предугадал и эту трагедию. Даже выдающимся ученым с мировым именем, как Д. Прянишников, П. Капица, В. Вернадский и др., – не удалось спасти всех своих учеников и любимых друзей. И так было во всех сферах интеллектуальной и духовной деятельности, не только с учеными, но и с писателями, композиторами, художниками, деятелями театра и кино... Булгаков проследил судьбу великой русской интеллигенции до конца. Оплакал, но не простил. Не простил, потому что видел, какие неисчислимые беды принесут еще “роковые яйца” – плод противоестественной связи гения и тоталитаризма, чудовища, порожденные уснувшим разумом и человеческой гордыней.

По существу, к появлению ужасных монстров привела вовсе не ошибка почтовой службы, приславшей Рокку вместо куриных яиц яйца пресмыкающихся и земноводных “гадов”, а то, что великое открытие попало в руки Рокка, когда профессор Персиков “умыл руки”. Теперь трагических случайностей было уже не избежать. Подобно Рокку, новая власть порождала катаклизмы один за другим и один страшнее другого. Она была несостоятельна во всех своих начинаниях и все, за что бы она ни бралась, с неотвратимостью рока оборачивалось глобальной катастрофой: продовольственные заготовки – “голодомором”, мелиорация – высохшими реками и морями, торфяными пожарами, атомная энергетика – Чернобылем, добыча полезных ископаемых – опустошенными и отравленными землями, построение коммунизма – карточной системой, демографическая политика – вымиранием, жилищная реформа – неизбывным “квартирным вопросом”, подготовка к войне – тотальным разгромом в первые же месяцы после нападения, ленинская национальная политика – развалом страны... Но самые главные разрушения произошли в душах людей – тех, кто были вынуждены все время

лгать. И именно эти разрушения стали предметом осмысления в последнем романе Булгакова.

Ложь – первый симптом отравления души. Общество, в котором волею судьбы живут Мастер и Маргарита, лживо сверху донизу. Лживы и чего-то боятся все – от первого до последнего человека: от председателя правления Массолита искушенного Берлиоза до секретаря редакции – “девицы со скошенными от постоянного вранья глазами” [Булгаков, 2010^а, с. 194], от финдиректора Варьете опытного Римского, знавшего, что, когда и кому следует говорить, до враня администратора Варенухи; от директора Варьете Лиходеева, делавшего вид, что он что-то понимает в делах театра, до Аннушки, по прозвищу “Чума”, о которой неизвестно было, “чем она занималась в Москве и на какие средства существовала” [Булгаков, 2010^а, с. 403]. Двуличие стало семейной чертой и общим проклятием. Жажда подлинного, настоящего толкнула друг к другу главных героев романа. С правды, как с заветного пароля, началось их знакомство.

“Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы... Повинуясь этому желтому знаку, я тоже свернул в переулок и пошел по ее следам... Я мучился, потому что мне показалось, что с нею необходимо говорить, и тревожился, что я не вымолвлю ни одного слова, а она уйдет, и я никогда ее более не увижу...”

И, вообразите, внезапно заговорила она:

– Нравятся ли вам мои цветы?

...Я быстро перешел на ее сторону и, подходя к ней, ответил:

– Нет.

Она поглядела на меня удивленно, а я вдруг, и совершенно неожиданно, понял, что я всю жизнь любил именно эту женщину! Вот так штука, а? Вы, конечно, скажете, сумасшедший?

– Вы вообще не любите цветов?

В голосе ее была, как мне показалось, враждебность. Я шел с нею рядом, стараясь идти в ногу, и, к удивлению моему, совершенно не чувствовал себя стесненным.

– Нет, я люблю цветы, только не такие, – сказал я.

– А какие?

– Я розы люблю.

Тут я пожалел о том, что это сказал, потому что она виновато улыбнулась и бросила свои цветы в канаву. Растерявшись немного, я все-таки поднял их и подал ей, но она, усмехнувшись, оттолкнула цветы, и я понес их в руках.

Так шли молча некоторое время, пока она не вынула у меня из рук цветы, не бросила их на мостовую, затем продела свою руку в черной перчатке с раструбом в мою, и мы пошли рядом” [Булгаков, 2010^а, с. 190].

С правды, с признания самому себе в бездарности собственных стихов, началась духовная реабилитация (излечение) Ивана Бездомного. Именно Иван Бездомный, будущий сотрудник Института истории и философии, профессор Иван Николаевич Понырев, останется продолжать традиции интеллигенции после ухода Мастера.

Правда приобретает в романе значение главной жизненной потребности, цельного лекарства, признака личностной сохранности и, наконец, символа веры. Она возводится в ранг вечных, спасительных ценностей благодаря параллельной линии романа – истории Иешуа. “Правду говорить легко и приятно”, – высказывает Иешуа заветную мечту Мастера, Понтия Пилата, Маргариты, Бездомного, Левия Матвея и миллионов читателей романа, знающих не понаслышке, что такое самоцензура. Он говорит это без страха и напряжения, как человек сто крат более свободный, чем всемогущий прокуратор Иудеи.

«Слушай, Га-Ноцри, – заговорил прокуратор, глядя на Иешуа как-то странно: лицо прокуратора было грозно, но глаза тревожны, – ты когда-либо говорил что-нибудь о великом кесаре? Отвечай! Говорил?... Или... не... говорил? – Пилат протянул слово “не” несколько больше, чем это полагается на суде, и послал Иешуа в своем взгляде какую-то мысль, которую как бы хотел внушить арестанту.

– Правду говорить легко и приятно, – заметил арестант.

– Мне не нужно знать, – придушенным, злым голосом отозвался Пилат, – приятно или неприятно тебе говорить правду. Но тебе придется ее говорить. Но, говоря, взвешивай каждое слово, если не хочешь не только неизбежной, но и мучительной смерти» [Булгаков, 2010^a, с. 37].

Без правды невозможны благородство, понимание, глубина, честь и совесть – лучшие человеческие качества, которые Булгаков так высоко ценил, изображая их в самых светлых своих персонажах: семье Турбиных и ее окружении (“Белая гвардия”), приват-доценте Голубкове (“Бег”), докторе Бомгарте (“Записки юного врача”), Маргарите (“Мастер и Маргарита”).

Ложь противна человеческой природе. Помешать человеку следовать истине может только страх, и потому самый большой грех, по мнению Булгакова, – трусость. Это и есть грех профессора Персикова и прокуратора, грех “умывания рук”. Для булгаковского Пилата очевидна была незаурядность представшего перед ним человека, ему страшно было “даже помыслить о том, что такого человека можно казнить” [Булгаков, 2010^a, с. 437], и все же он утвердил смертный приговор, повинувшись привычному страху перед властью кесаря-императора.

– Ненавистный город, – вдруг почему-то пробормотал прокуратор и передернул плечами, как будто озяб, а руки потер, как бы *обмывая их* (курсив наш. – Е.П., Е.П.), – если бы тебя зарезали перед твоим свиданием с Иудой из Кириафа, право, это было бы лучше.

– А ты бы меня отпустил, игемон, – неожиданно попросил арестант, и голос его стал тревожен, – я вижу, что меня хотят убить.

Лицо Пилата исказилось судорогой, он обратился к Иешуа воспаленные, в красных жилках белки глаз и сказал:

– Ты полагаешь, несчастный, что римский прокуратор отпустит человека, говорившего то, что говорил ты? О, боги, боги! Или ты думаешь, что я готов занять твое место? Я твоих мыслей не разделяю!” [Булгаков, 2010^a, с. 40–41].

Он еще надеялся спасти Иешуа тайно, без риска для себя, но половинчатыми действиями уже не мог ничего ни изменить, ни исправить. Даже чаша с ядом, предложенная по его распоряжению Иешуа перед казнью для облегчения страданий, была отвергнута.

Две линии реальности: актуальная и сакральная, современная и давняя, сиюминутная и вечная, развиваясь, казалось бы, независимо друг от друга, рассказывают на самом деле об одном и том же: о высшей ценности правды и смертном грехе трусости, разрушающей личность, – как разные оркестровые партии многоголосной партитуры. Высокий стиль и прекрасный слог, использованные при изображении сакральной реальности, должны были высветить глубинную связь времен и подлинный смысл происходящего с людьми сегодня – смысл, скрытый в трагикомических коллизиях человеческой жизни.

И до, и особенно после Булгакова прием соположения реальностей использовался неоднократно. И у настоящих мастеров он всегда имеет глубокое содержательное значение, но каждый раз разное. И часто, как, например, у В. Пелевина [Пронина, 2003⁶, с. 5–30], соположение реальностей приводит к эффекту дереализации, стиранию границ реальностей (см, например, “Принц Госплана”, “Чапаев и Пустота”), что позволяет исследовать природу мышления и виртуальности. Перед Булгаковым, как представляется, стояла иная проблема. Он оказался свидетелем ужасной катастрофы, гибели русской интеллигенции, разложения народа, полного разгрома всего, что было построено за время расцвета русской культуры. Он был на грани отчаяния. И он сделал то же, что сделал Чехов в предчувствии этой трагедии (см. [Пронин, Пронина, 2010]) – обратился к трансцендентной связи вещей и времен. В рассказе “Студент” Чехов обратился к событиям Священной истории как к точке отсчета и увидел, что “прошлое связано с настоящим непрерывною цепью событий”, что “правда и красота... всегда составляли главное в человеческой жизни” [Чехов]. Как чеховский студент, Булгаков обнаружил резонанс трансцендентного и сиюминутного. Сополагая две реальности,

два измерения, сверяя дела людей с вечными ценностями, Булгаков находит, наконец, ответ на самый важный вопрос для себя и для будущих поколений: как жить дальше. Ответ прост, как трансцензус⁴: всегда следовать правде.

Много позже, в 1974 г., другой русский писатель – А. Солженицын, совершивший свой трансцензус в лагерях и ссылках, напишет эссе, обращенное к советской интеллигенции – “Жить не по лжи”, где уже в прямой, публицистической форме назовет единственный, по его мнению, путь к свободе: “...самый доступный ключ к нашему освобождению: *личное неучастие во лжи!* Пусть ложь все покрыла, всем владеет, но в самом малом упрямся: пусть владеет *не через меня!*... Наш путь: *ни в чем не поддерживать лжи сознательно!*” [Солженицын].

Парадоксально, но сегодня, спустя более 20 лет после того, как советская система отошла в прошлое, трансцензус Булгакова и Солженицына не только не теряет своей актуальности, но и обретает дополнительные значения.

Мы не успели вполне излечиться от старой лжи, а уже готовы новые угрозы и соблазны, способные обрести глобальный размах в новом глобальном мире. И самый большой соблазн среди них и самая большая ложь – это настойчивое отрицание различий между правдой и ложью. Эта идея все чаще озвучивается в высших кругах медиаиндустрии. Так, директор информцентра ООН в Москве А. Горелик, на вопрос, что такое дезинформация, ответил: “Информация – это моя информация, а дезинформация – это информация, даваемая моим оппонентом” (Русский взгляд. 3 канал TV, 19 октября 2008 г.), достаточно откровенно указав этим высказыванием на прагматический характер своего понимания правды и лжи. За модными понятиями “политтехнология”, “PR-стратегия”, “информационная война” новые идеологи кокетливо скрывают взрывоопасное соединение политической пропаганды, психологической искушенности и новейших информационных технологий. Известный публицист Макс. Соколов определил политтехнологию как “искусство разводить массы”, весело добавив, что “при таком циническом взгляде на вещи 9 (22) января, именуемое также Кровавым воскресеньем, может считаться профессиональным праздником политтехнолога” (<http://www.exprt.ru/columns/205-01-24>).

Одновременно усиливаются попытки распространить цензуру на свободное пространство Интернета. Речь идет не о порносайтах, как можно было бы ожидать, а об “оскорблении представителя власти”, “возбуждении ненависти или вражды к социальной группе — милиции” (формулировка работников милиции из отдела “К”). Самым громким прецедентом судебного преследования блогеров в России стало дело С. Терентьева⁵, нелестно отозвавшегося в своем блоге о действиях милиции.

Дело Терентьева бурно обсуждалось не только среди блогеров, но и политиков, выплеснулось и в СМИ, на радио и телевидение. Как оказалось, проблема информационной открытости и безопасности стала самой острой в современном обществе. Руководитель Фонда защиты гласности А. Симонов по этому поводу заявил, что “цензуру в Интернете вводить, как показывает мировая практика, технически возможно. Однако хуже этого придумать уже нельзя ничего. Это свидетельство полной беспомощности государства. Интернет – это последнее прибежище свободных людей.

⁴ Трансцензус – момент обретения смысла в ходе экзистенциального выбора (от лат. *transcensus*: 1. подъем, восхождение... 2. переход, изменение *ad meliora* – к лучшему) [Пронина, 2003^a, с. 203].

⁵ В августе 2007 г. прокуратура Сыктывкара предъявила обвинение блогеру Терентьеву по ст. 282.1 УК РФ (“возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства”). Эта статья предусматривает наказание в виде штрафа до 300 тыс. рублей или лишение свободы на срок до двух лет. Поводом послужило то, что Терентьев в Живом Журнале нелестно отозвался о местной милиции. Его текст появился как комментарий на изъятие 14 февраля 2007 г. жестких дисков с компьютеров в редакции газеты “Искра” города Инта (Республика Коми) работниками милиции из отдела “К”. В квартире Терентьева был проведен обыск, в ходе которого был изъят его компьютер. После годичных судебных разбирательств блогер был приговорен к году заключения условно. Кассационную жалобу Терентьева судейская коллегия, в составе которой было два бывших милиционера, отклонила. В январе 2009 г. адвокаты Терентьева подали жалобу в Европейский суд по правам человека (http://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_Терентьева); (<http://www.seobuilding.ru/w/index.php?title=Блор&oldid=1331>).

Если и здесь закрыть свисток, через который выходит пар свободы, то рано или поздно они дождутся взрыва. Причем, это касается в первую очередь людей профессионально ориентированных, людей грамотных, владеющих Интернетом и, соответственно, выкидывающих в пространство свои мнения вне зависимости от того, читают их или не читают. Это все равно, что попытаться запретить крик души” (<http://www.svobodanews.ru/content/article/408519.html>).

Именно Интернет сегодня становится “единственным оазисом свободной прессы”, по выражению одного из блогеров, участвовавшего в разоблачении скандального подлога, совершенного крупнейшей немецкой телекомпанией ARD, которая предложила своим зрителям урезанное цензурой интервью с В. Путиным о нападении Грузии на Южную Осетию как “дословное” (вместо часового интервью – 9 минут) (по материалам блогов: <http://realcorwin.livejournal.com/192546.html>; <http://labas.livejournal.com/756471.html>). Через несколько дней на сайте компании насчитывалось уже около тысячи возмущенных комментариев с обвинениями канала в цензуре и манипулировании⁶.

Чем закончится эта глобальная схватка за возможность свободного доступа к информационному пространству, пока неизвестно. Но ясно одно: стремление к истине – неизбежное, интуитивное, имманентное стремление человека, тождественное стремлению к смыслу существования. Попытки перекрыть информационный поток и подменить его потоком псевдоинформации приводит общество к состоянию, напоминающему делирий⁷ или острую сенсорную депривацию⁸. Полный разрыв контакта с реальностью влечет за собой фатальное нарушение психики, именуемое в клинической практике психозом, а в просторечии сумасшествием. Как и стремление к смыслу, стремление к истине актуализируется в предельных ситуациях и зачастую оказывается единственным средством сохранения личностной целостности и независимости. По существу, это инстинкт, отражающий фундаментальное свойство человеческой психики. Инстинкт истины, не терпящий компромиссов, не позволяет человеку смириться с обманом, если он обнаружен.

Булгаков, конечно, не мог знать о грядущих битвах в глобальном цифровом пространстве. Но художник увидел, что будет составлять главную защиту человека в будущем – отвращение ко всяческой лжи. Он не знал о персональных компьютерах, мобильной связи, Wi-Fi, Интернете, навигаторах и проч. Но разве суть дела, как выразился Фагот-Коровьев, в “аппаратуре”? И что будут стоить все эти завоевания человеческого гения, если разум утратит контакт с реальностью? Кошмарный сон! На этот раз глобальный.

“Сон разума рождает чудовищ”, – гласит испанская поговорка, получившая широкое распространение благодаря Ф. Гойе, назвавшему так один из своих офортов. Развивая свою мысль, художник пояснил: “Когда разум спит, фантазия в сонных грезах порождает чудовищ, но в сочетании с разумом фантазия становится матерью искусства и всех его чудесных творений”. Можно было бы добавить, учитывая уроки истории, что бывают моменты, когда только мастерство художника и способно пробудить разум. В чем, возможно, и есть одно из главных его предназначений. Совершенство художественной формы обеспечивает информационную сверхпроводимость вечным истинам бытия. На пике своего мастерства Булгаков, уходящий Мастер, создал

⁶ Примечательно, однако, что ни одна крупная немецкая газета или журнал не дали об этом скандале никакой информации. Когда на передачу ARD “Пресс-клуб” в прямом телеэфире дозвонился зритель и задал вопрос по поводу интервью Путина, у безотказной немецкой телефонной линии случились “технические неполадки”.

⁷ Делирий (лат. *delirium* – безумие, помешательство) – синдром нарушения (помрачения) сознания, характеризующийся искаженным отражением действительности, нарушениями ориентировки в месте и времени, иногда потерей памяти [Клиническая...2007].

⁸ Депривация (лат. *deprivatio* – лишение, потеря) – длительное устранение сенсорных раздражителей, сопровождающееся структурно-функциональным изменением определенных отделов мозга и рядом психических расстройств, от нарушений сенсорных и мыслительных процессов до галлюцинаций и бреда [Безруких, Фарбер, 2006].

роман, ставший его последним даром современникам и потомкам. Этот последний дар великой русской литературы – чудесное соединение “правды и красоты”: красоты слова и правды разума, – позволил обществу выйти из анабиоза, в который оно было ввергнуто почти на столетие ложью и страхом. И не только проснуться, но и вступить в новую жизнь с нитью Ариадны в руке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аршинов В.И., Данилов Ю.А., Тарасенко В.В. Методология сетевого мышления: феномен самоорганизации (http://www.i-u.ru/biblio/archive/arshinov_danilov_internet/).
- Безруких М.М., Фарбер Д.А. Психофизиология. Словарь. М., 2006.
- Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М., 2010^а.
- Булгаков М.А. Роковые яйца // Булгаков М.А. Собачье сердце. М., 2010^б.
- Булгаков М.А. Собачье сердце // Булгаков М.А. Собачье сердце. М., 2010^а.
- Васильев И.И., Либерман Л.Б., Фридман Г.М. Вопросы социальной гигиены в трудах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и решениях ВКП(б) и Коминтерна. Сборник документов. Л., 1933.
- Грибанов Б.Т. Хемингуэй (<http://lib.rus.ec/b/119379/read>).
- Ерофеев Вен. Москва–Петушки // Ерофеев Вен. Записки психопата. М., 2000.
- Клиническая психология. Словарь. М., 2007.
- Пронин Е.И., Пронина Е.Е. Антиномии честного разума, или Самоотрансценденция по Чехову // Общественные науки и современность. 2010. № 4.
- Пронина Е.Е. Психология журналистского творчества. М., 2003^а.
- Пронина Е.Е. Фрактальная логика Виктора Пелевина // Вопросы литературы. 2003^б. № 4. Июль–август.
- Русская служба BBC. Мобильная версия. 9 декабря 2010 (http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/12/101209_wikileaks_hackers_to_continue.shtml).
- Солженицын А. Жить не по лжи (http://www.solzhenicyn.ru/modules/myarticles/article_storyid_315.html).
- Соловьев Ю.И. Мужественная позиция академика Д.Н. Прянишникова // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995.
- Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995.
- Федоров А. Опыт решения жилищного вопроса в Советской России: справедливое распределение или всеобщая вахтаналия (на материалах губернских городов Центрального промышленного района) (http://actualhistory.ru/quarters_in_sov_russia).
- Чехов А.П. Студент (http://lib.ru/LITRA/CHENOW/r_student.txt).

© Е Пронин, Е. Пронина, 2011

Сдано в набор 14.02.2011	Подписано к печати 25.03.2011	Формат бумаги 70 × 100 ^{1/16}
Офсетная печать	Усл. печ.л. 14,3	Усл.кр.-отг. 8,0 тыс.
	Тираж 552 экз.	Зак. 1250

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес редакции: Мароновский пер., д. 26, Москва, 119049
Издатель – Российская академия наук. Издательство “Наука”: Профсоюзная ул., д. 90, Москва, 117997
Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН
Отпечатано в ППП “Типография “Наука”»: Шубинский пер., д. 6, Москва, 121099